

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Темный человек	7
Глава вторая. Мост Аррабида	100
Глава третья. Плачущая рыба капитана Видала.....	179
Глава четвертая. Нетонушая почта	262
Глава пятая. Нэ бойса!.....	323

Глава первая

Темный человек

Радин. Воскресенье

Он предпочел бы остановиться в знакомом отеле под названием «Тилак», где хозяином был непалец, служивший когда-то в стрелковом батальоне, маленький и суровый гурк. Над стойкой портье висел на расшитом коврикe кинжал, отливающий голубоватым светом, и Радин выслушал немало историй о том, как хозяин применял его в открытом бою.

Он жил в этом отеле в прошлом году, когда приезжал в Порту по делам лиссабонской фирмы, и до сих пор помнил миндальный привкус чая, которым хозяин угощал его на террасе, выходящей на церковь Св. Ильдефонсо. Поразмыслив, Радин заказал гостиницу классом повыше. Он ехал на собеседование по поводу новой работы и знал, что директор непременно спросит, где он остановился.

В полночь он купил билет у сонной кассирши, переплатив чуть ли не вдвое, потому что места были только в спальном вагоне, и в половине первого стоял на пустом перроне. Поезд подошел почти бесшумно, проводник взял билет, осветил фонариком и приложил палец к губам. Ночной поезд в Порту был

неудобным и приходил слишком рано, но Радин не успел на вечерний экспресс, потому что застрял с друзьями в баре, а за вещами нужно было ехать на улицу Луз.

Его одежда и книги так и лежали в коробках с тех пор, как он ушел от жены; кроме дивана и стола, в комнате не было мебели. Вместо окон там была застекленная дыра в крыше, а древний холодильник был выкрашен красной краской. По ночам до Радина доносилось мяуканье павлинов из зоологического сада, а в начале весны он услышал зов оленя, низкий, отчаянный, похожий на скрип проржавевших ворот.

— Так и будешь искать повод сюда являться, — сказала Урсула, когда пару дней назад он пришел за дорожной сумкой. — Ты бы забрал отсюда все свое, найми грузовое такси и заberi.

— Заберу, — сказал Радин, оглядывая полки с книгами. — Может, пару стульев одолжишь? И постельное белье.

— Мебель делить не будем. — Она вынула из шкафа несколько простынь. — Тебе здесь ничего не принадлежит. А если найдешь денег на адвоката, то я напишу в департамент эмиграции, что ты применял ко мне насилие, и тебя вышлют отсюда в двадцать четыре часа.

Насилие, надо же, удивился Радин, спускаясь по лестнице. Вот не думал, что она сможет сказать такое с серьезным лицом. Куда, черт возьми, подевалось наше веселье?

Сложив в сумку рубашки и рабочую тетрадь, Радин построил сверху компьютер, потом решил его не брать, но подумал о двух вечерах в отеле и оставил. Пригодится кино посмотреть. Прошлой весной он и дня не мог прожить без лаптопа, это было его лезвие, изрезанное рунами, вечный спутник в кафе и поездах. Теперь только бумага. Стоит положить пальцы на клавиши, как мысль тускнеет и, вильнув хвостом, уходит на глубину. Побочный эффект терапии, если верить доктору, но Радин не слишком ему верил.

В клинике Прошперу разрешали только рисовать, складывать пазлы или лепить из пластилина, так что Радин в основном рисовал. Может, поэтому маляр из него вышел не такой уж скверный. Когда через месяц ему пришлось снять себе жилье на окраине, стены в комнате оказались зелеными, того самого казенного цвета, которым были выкрашены коридоры в питер-

ской школе. Через пару дней Радин затосковал, поехал в магазин, купил краску, валики и пластик, чтобы закрывать пол.

Десяток слов добавился к его португальскому, в том числе и *líxa*, наждачная бумага. Радин красил в три слоя, выжидая, пока просохнет, ему нужен был обещанный оттенок бирюзы, такого цвета были яйца дрозда, найденные однажды в роще под Токсовом. И обложка его рабочей тетради в косую линейку.

Вернувшись из клиники, Радин начал покупать себе тетради, наточил целый стакан карандашей, но работа все равно двигалась медленно, так медленно, что он уже не верил, что сможет закончить. Роман утонул в черновиках, черновики теснились в ящике стола, как некрасовские лакеи в прихожей, *а дозваться никого решительно невозможно!* В Порту он надеялся поймать волну и взял с собой основную тетрадь, толстую, рассыпающуюся, похожую на записную книжку букмекера.

* * *

Синий железнодорожный плед в лунном свете казался белым, поезд шел быстро, постукивая по стыкам, мелкий заветренный зубчик месяца летел за ним не отставая. Радин свернул куртку и сунул ее в багажную сетку, стараясь не шуметь. Розетки в купе не оказалось, зато обнаружился ребристый кружок радиоточки. На одной полке стоял чемодан, на другой, повернувшись лицом к стене, спал человек, лунный свет косо падал на крупную лысую голову. Радин замешкался, задел какую-то палку, с грохотом упавшую на пол, и тут же услышал шаги проводника. Тот показал большим пальцем на юг, пытаясь, видимо, сказать, что попутчик сел в Фаро, и посветил фонариком на пол, где они увидели трость с набалдашником в виде утиной головы.

Поставив трость на место, Радин устроился на своей полке, включил тусклую лампочку, достал тетрадь и собрался было работать, но тут попутчик завозился и спросил простуженным голосом:

- Пишете? Давно я не видел, как пишут ручкой по бумаге.
- Простите, что помешал вам спать.
- Вы русский? У вас славянский акцент, я его всегда узнаю!
- Да, русский, но живу здесь уже четыре года. — Радин хлопнул тетрадь, щелкнул выключателем и вытянулся на полке.

Попутчик спустил ноги на пол и сидел, облокотившись на откидной столик, где в железной вазочке белели хризантемы. Луну затянуло тучами, в купе стало темно, однако попутчик выпил воды и говорил теперь не умолкая: о погоде на побережье, о выставках, о скандале в футбольном клубе. Радин пытался отвечать междометиями, но голова становилась все тяжелее, и наконец, пробормотав извинения, он закрыл глаза.

— Это настоящая, безупречная смерть, — донеслось до него сквозь сон. — Непременно посмотрите на нее, когда будете в галерее. Вы ведь русский, вам доступны вещи такого рода. Смерть именно так и выглядит: августовское небо, сизая рябь на речной воде, погребка с портувейном. В ней нет ничего бесчеловечного.

— Погребка? — переспросил Радин, открывая глаза.

— Если стоять на мосту, то слева от вас будет Вилла-Нова, заставленная винными складами. Так вы согласитесь мне помочь? Это займет не больше часа, а я готов заплатить пять сотен, уж больно вы хорошо подходите. Как будто вас небеса послали! Будь вы португальцем, она бы не поверила. А с русского детектива какой спрос?

— Детектива? Простите, но я задремал и слышал только часть вашего рассказа. — Радин пытался рассмотреть лицо попутчика, но оно оставалось в лунной тени.

— Меня зовут Салданья. Я хочу нанять вас для одного несложного дела в городе, — терпеливо повторил попутчик. — Вам нужно будет зайти в картинную галерею, сказать, что вы частный детектив, специалист по розыску людей, и что теперь вы ищите русского парня, пропавшего в прошлом году. Он был приятелем австрийца, который там работает, они вместе играли на бегах. Некоторые следы, скажете вы, ведут в галерею, социальные сети, звонки и прочее. Они ответят, что ничего не знают, и вы пойдете к себе в отель. Это все.

— А зачем вам это?

— Не стоит вникать, просто заучите слова. Хозяйку галереи зовут Варгас. Со мной она разговаривать не станет, мое лицо ей хорошо знакомо. Меня в городе многие знают. Вы же читаете мою рубрику в «Público»?

— Нет, простите, — произнес Радин, чувствуя, как быстрый ход поезда прижимает его голову к подушке.

— Я много лет занимаюсь журналистскими расследованиями, и мне часто приходится привлекать посторонних людей. Романист, конечно, не лучший вариант, зато ваше происхождение идеально подходит. Ладно, плачу семь сотен, больше не могу.

— Да с чего вы взяли, что я романист? — спросил Радин и тут же заснул.

Проснувшись, как ему показалось, через минуту, он понял, что поезд стоит на маленькой станции, а сосед продолжает говорить. В утренней дымке голубели азулежу на фасаде: листья алоэ, лодки и паруса. Старый вокзал Авейру. Значит, ехать осталось часа полтора.

— Можно засолить акулу в аквариуме с формальдегидом, — бубнил попутчик, — и автора этой шутки не посадят в тюрьму за мошенничество. Это говорит о бедности нашего времени. О сговоре галеристов и критиков, лепящих статус художника кому попало, но больше — о бедности. Так вы согласны? Я напишу текст, который нужно произнести.

— Вынужден отказаться, простите. — Радин протянул руку к бутылке, попил воды из горлышка, откинулся на подушку и закрыл глаза.

Поезд тронулся, миновал туннель и теперь набирал ход, неплотно закрытая дверь купе постукивала о железный косяк, голос попутчика становился все тише, и последнее, что Радин услышал, было:

— Галерея Варгас, неподалеку от ратуши.

Лиза

По дороге на репетицию я снова видела эту пару на площади, только сегодня они были в красном, наверное, потому, что день был пасмурным. Девочку я знаю, раньше у нас училась на народном танце, у них там полоумный хореограф, строит из себя Фернандо Граса. А парня, кажется, уволили из «Companhia Nacional de Bailado» после июньской забастовки. И чего они взбесились из-за лишних пяти часов, взяли бы меня в эту труппу, я бы день и ночь скакала в кордебалете и еще полы бы в театре мыла. Эти двое ставят две колонки на землю, кладут

шляпу и танцуют под *por una cabeza* при любой погоде, похоже, дела у них совсем плохи. Прямо как у нас с Иваном четыре года тому назад.

Когда мы приехали в этот город и сняли комнату, которая раньше была складом для пишущих машинок, у нас было три сотни на двоих, и деньги сразу кончились, в первый же день. Двести за комнату вперед, сорок за шерстяное одеяло, потому что зима была промозглая, десять за кофе в зернах и полтинник за газовый баллон.

Через два дня Иван ушел грузить вагоны, вернулся наутро с пакетом еды и двумя бумажками, на одной было написано «работа на риа Севильяна, 17», а на другой какие-то имена. На мой вопрос, что это за работа, он буркнул *отделять зерна от плевел* и ушел спать, а я представила себе Золушку, склонившуюся над мешками фасоли, и расплакалась, ведь если бы не я, он сидел бы в своей редакции, у окна с видом на Исаакиевский собор. Потом я пошла на репетицию, по дороге снова плакала, потом напудрилась чужой розовой пудрой, и стало еще хуже.

Когда я вернулась, он был уже веселый, сказал, что я фенек, маленькая пустынная лиса с большими ушами, снял с меня трико прямо в коридоре и отнес на кровать, я сразу поняла, что он курил траву, но промолчала, уж лучше трава, чем жизнь на сквозняке. С тех пор прошло четыре года, и чего только не было, однажды он оставил мой кошелек в зеленой лавке, и мы на неделю остались без копейки, точно такую же историю я слышала от бабушки, только там были хлебные карточки.

Радин. Понедельник

Начинать лучше прямо с утра, сказал доктор, которого жена Радина считала лучшим в городе, может, потому, что он был каталонцем, как она сама. У доктора было помятое лицо с неожиданно яркими зелеными глазами и лохматыми бровями, изогнутыми в скобку, отчего лицо всегда казалось удивленным.

Радину нечем было удивить доктора, его история была обычной, сначала депрессия, потом пьянство, после пьянства — клиника, на которую ушло все, что оставалось от американского издания, а после клиники — внезапные рыдания, настигавшие

Радина где угодно, на встрече с клиентами, в постели с женой или просто на улице.

Урсула смирилась с потерей денег, выброшенных на выпивку, а потом на лечение, она смирилась даже с тем, что Радина выставили из конторы, куда она засунула его всего полгода назад, подняв все свои связи в чужом городе. Но смириться с рыданиями она не смогла. Мужчина, способный показать свои слезы, был для нее чем-то обреченным, скользким, безнадежно бьющимся, будто речной карась в ведре у рыболова.

Радин принес ей записку от нарколога, где скудной латынью объяснялось: тра-та-та, побочный эффект, все пройдет, как только психика пациента стабилизируется. Но Урсула отправила его к остроглазому каталонцу, владельцу кабинета в Альфаме, где кушетка была ковровой и пыльной, будто в марокканской курильне. От докторского стола кушетку отделяла ширма с резными панелями, на одной панели Радин разглядел журавля.

— Вас в детстве просили покашлять, когда доктор приставлял к спине стетоскоп? А я попрошу вас заплакать. Заплачьте!

— Не могу. У меня в горле пересохло!

— Друг мой, представьте свою обиду и заплачьте. Давайте подкрутим колесико яркости. Вас нигде не печатают? Жена не читает ваших рукописей?

— Моя жена вообще ничего не читает. Мой первый роман перевели уже на два языка. А другие колесики бывают?

— Подумайте о своей склонности к деструкции, и слезы польются. Даже работодатели чувствуют вашу разрушительность, как лиса чует ружейное масло.

— Может, они и правы, эти ваши работодатели. Две фирмы, в которых я здесь работал, уже обанкротились. Даже страна, в которой я некоторое время жил, развалилась!

— Много на себя берете, — хихикнул за ширмой каталонец. — Еще скажите, что это вы породили суровую зиму, удушливую жару, ядовитых змей и насекомых. У вас обычный вельшмерц, друг мой. Эмиграция, алкоголь и недостаток любовного жара.

— Доктор, давайте ближе к делу. Мой нарколог обещал, что побочные явления пройдут, но они не проходят. Например, я совершенно не слышу музыки, разве что барабаны немного раз-

личаю. Все остальное — нагромождение звуков, вой и разноголосица. Слышали, как настраивают инструменты в оркестре?

— Не слушайте своего нарколога, он просто бодрый дровосек. Люди вашей профессии часто живут так, как будто ждут прихода взрослых, и, когда становится ясно, что взрослые не придут, они огорчаются, как дети. Видите ли, огорчение — это ливень, который никогда не прекращается, льет на крышу, пока несущие балки не сгниют.

— Вы хотите сказать, что я не в себе? Так скажите прямо.

— Он еще учить меня будет! Начните с простых упражнений: убедите себя, что любить вас не за что, придумайте мантру из пяти слов, начинайте прямо с утра. Например: *я бездарь, я темный человек*. Лучше произносить ее на родном языке!

Через полчаса Радин вышел на залитую солнцем улицу, купил в автомате кофе и пошел домой, предвкушая, как он станет описывать эту сцену своим друзьям. Урсула уехала в Валлирану, к родне, так что можно выпить в баре с ребятами из русской газеты. Откуда его тоже попросили, потому что он разрыдался во время интервью с тренером футбольной сборной, которого редактор упрашивал целую неделю.

Дождаясь зеленого света, Радин почувствовал жажду, которую кофе не мог утолить. Не хватало еще заплакать на перекрестке авениды Диагональ. Проходя мимо стены парка Курсель, выложенной зеркальными осколками, он наклонился к самому крупному осколку, скорчил своему отражению рожу и тихо сказал: *я бездарь, я темный человек*.

* * *

— Северная столица приветствует гостей! — сказал скрипучий голос, и Радин открыл глаза. Дверь купе была приоткрыта, и сквозняк шевелил хризантемы на столике, теперь он разглядел их матерчатые листья, на одном листке сидела божья коровка, совершенно как живая. Проводник прошел по вагону, заглядывая в пустые купе, и рассмеялся, увидев Радина:

— Так и знал, что проспите! Ничего, время есть, собирайтесь не торопясь. Ваш сосед велел вам кланяться.

Радин сел, спустил ноги на пол и огляделся. На столике лежали апельсиновая кожура и перочинный нож, рядом стояла

бутылка с водой. Голубой тетради не было. Он проверил сумку, обшарил постель, прощупал батарею под откидным столиком, заглянул под матрас. Некоторое время он стоял, оглядывая купе, чувствуя, как немеют кончики пальцев. В тетради было два года работы, там оставалась всего пара чистых страниц, и он уже приглядел новую в витрине писчебумажной лавки.

Попутчик украл роман? На кой черт ему исписанный кириллицей гроссбух? Радин взял со стола бутылку и залпом выпил теплую воду. Потом он достал куртку из багажной сетки и проверил карманы: документы и бумажник были на месте. В боковом кармане лежала записка, написанная карандашом, он прочел ее несколько раз:

Я взял вашу тетрадь, у меня не было другого выхода. Свяжитесь со мной, когда исполните мою просьбу. Вы немедленно получите свой роман и деньги. Плачу тысячу (1000!). С.

Дальше шли какие-то инструкции, но Радин скомкал записку и швырнул ее на пол.

В полицию идти бессмысленно, скажу, что у меня тетрадку украли, а они скажут *vai tomar po si*. Мимо двери прошел проводник со стопкой полотенец, придерживая полотенца подбородком, он показал рукой на перрон и подмигнул. Радин взял сумку, поднял смятую записку и вышел на перрон.

И все же в океане, далеко, вспомнил он, оглядывая вокзальную площадь, залитую холодным утренним солнцем, *рейс, кажется, идет не так легко!* До гостиницы было минут двадцать пешком, и Радин решил позавтракать на набережной. Два года назад там подавали свежую рыбу, а на прилавке стоял бочонок местного пива, почти черного, с кислинкой от жженого солода.

До встречи с директором фирмы оставалось восемь часов. Если и здесь не возьмут, придется уходить на фриланс и сидеть над чужими текстами, над поэмами о сыре, сычужине и молочном сахаре. Или дописывать роман, в конце концов. Но что теперь дописывать? Тетради больше нет, а в ноутбуке болтается прошлогодний вариант, унылый, словно заброшенная ферма с торчащим посреди двора колодезным оголовком.

Добравшись до моста, Радин обнаружил, что канину снесли и поставили фанерный киоск, где продавали картошку с анчоу-

сами. Он купил подтекающий маслом пакет и устроился на парапете, глядя на берег Гайи, сплошь застроенный винными складами. По реке медленно двигался пароходик с туристами. Каждый раз проходя под мостом, капитан подавал сигнал, и пассажиры послушно задирали головы.

Мостов было пять, и самый последний — мост Арабида — казался едва заметным штрихом, сарматской застеежкой на устье реки, золотой изогнутой фибулой. За мостом начинался океан.

Иван

День был такой солнечный, когда она зашла в редакцию на Большой Морской, что казалось, краски выцветают на глазах, стены, бумага, свет из окна, все стало белым, как топленое молоко. Под потолком слабо поскрипывал вентилятор, от этого духота казалась еще плотнее. В полдень все ушли обедать в столовую, я остался один и лежал головой на столе. Дверь хлопнула, и я поднял голову. Она стояла на пороге, маленькая, прохладная, с бритой головой, в мятых льняных штанах.

— Какое у вас тут арктическое лето, — сказала она. — Я принесла объявление, это правильный кабинет?

— Давайте его сюда, — сказал я шепотом.

Любовь, будто простуда, чиркнула по горлу. Когда она села напротив меня и принялась копаться в рюкзаке, жара сразу спала, и лопасти вентилятора тихо зажужжали. Я смотрел на золотую луковичу ее головы, на губы африканского мальчика, на розовое пятнышко между бровями. Я не знал, о чем спросить, чтобы она подняла глаза, и любовался ею тайно, будто карпом в японском пруду.

— Зачем вы так голову побрили?

— У меня были вши, — сказала она, вынимая из рюкзака бумажки, заложенные почему-то в справочник «Лекарственные растения». — В нашей балетной школе недавно были вши, почти у всех, и у меня тоже.

— Так вы танцуете? — Я взял ее бумажки, сунул в папку для субботнего номера, спросил, не хочет ли она мороженого, и она кивнула.

Вернулись наши из столовой, дверь принялась хлопать, загудели принтеры, жара вернулась, и я сразу устал. Потом мы дошли до ее дома и постояли на лестничной площадке, куда свет попадал через грязные витражи, а потом полгода куда-то делись, и началась винтовая португальская лестница, по которой мы побрели, заходя в съемные комнатухи, гарсоньерки с расколотыми биде, и выходя из них с коробками, которых становилось все больше, потому что она помещана на местной керамике, с оленями, похожими на ящериц, а я иногда все же выигрывал и покупал ей дурацкие тарелки.

Еще она любит рисовые хлебцы и запах клеевой краски. Теперь я знаю цвет ее глаз, я даже знаю цвет ее внутренних бедер, или как там это называется, я еще не насытился этими бедрами, недрами и алой чавкающей глиной ее болот, другое дело, что она смотрит на меня ледяными глазами, будто на вора, да я и есть вор.

Радин. Понедельник

В гостинице шел ремонт. За стеной номера жужжало сверло, а двери внизу хлопали так часто, будто в коридоре завелся морской сквозняк. Здание смахивало на ганзейское судно, застрявшее на стапелях: окна были круглыми, полосатые маркизы полоскались на ветру, а корму занимали площадки с ресторанами. Радина поселили на самом верху, в бочке для лучников.

Выложив вещи на кровать, он вспомнил, что нужно найти мастерскую, потому что в лаптопе поселились муравьи. Вчера, укладывая компьютер в сумку, он обнаружил пятерых, крошечных, как кунжутные семечки.

Радин открыл мини-бар и выпил холодной газировки. Потом он заглянул в туалетную комнату и увидел душевую кабину, хотя номер обещали с ванной. Раздевшись догола, он надел наушники, нашел в телефоне сенегальские барабаны, намочил полотенце под краном и растерся им до красноты.

Спустившись в лобби, он подошел к портье, чтобы взять карту города, и его попросили расплатиться за номер наличными. На карточке не хватает средств, сказал портье, свяжитесь с вашим банком! Радин сказал, что так и сделает, и отправился

искать мастерскую. Портье отметил ее точкой на карте, но Радин немного заплутал и вышел на площадь Триндаде только к десяти утра.

Мастерская обнаружилась в подвале, мастер вынес на улицу стул и сидел с чашкой кофе, жмурясь на утреннем солнце. Радин вспомнил слово *формига*, рассказал про муравьев, и тот засмеялся:

— Да ты шутишь, парень! Муравьи похожи на людей, они любят сладенькое. Поставь-ка его на карниз и смотри, как все просто.

Мастер отхлебнул кофе, сунул палец в чашку и покрутил там немного, потом провел пальцем по карнизу, мазнул кофейной гущей вокруг дисковода и снова откинулся на спинку стула:

— Сейчас сами выйдут, а ты пойди погуляй!

Обойдя пустую площадь с фонтаном в виде пеликана, Радин не нашел скамейки и лег на газон. Вчерашнее вердехо еще давало себя знать, во рту пересохло, лоб замерз.

Он достал из кармана джинсов записку попутчика, расправил и прочел несколько раз. Текст монолога был не слишком сложным, под ним приписали номер телефона, обведенный кривым сердечком. Листок был вырван из его собственной тетради. Вор Салданья, наверное, до утра сидел, глядя в темное окно и размышляя, как меня принудить.

Вода из клюва пеликана мерно капала на мозаичное дно. Слева от него голубела мозаика церковного фасада, а сверху смотрели пророки Илья и Елисей. Капли становились все громче, казалось, они падают в жестяное ведро, белый пеликан задрал голову и захлопал крыльями. Потом он разодрал себе грудь и напоил птенцов своей кровью. В мешке у пеликана с грохотом перекатывались камни, принесенные для строительства мечети.

Какой еще мечети? Некоторое время Радин лежал не шевелясь, стиснув зубы, он уже знал, что сопротивляться бесполезно.

С колокольни донеслись два удара, половина одиннадцатого. Радин сложил записку вчетверо, сунул обратно в карман и попытался вспомнить голос попутчика. Что он там говорил — что меня бог ему послал? Я даже лица его в темноте не видел. А он не видел моего. Тысяча монет за то, чтобы произнести четыре фразы?

Он встал, пересек площадь и увидел слева от себя здание ратуши, а справа — новое краснокирпичное здание, сияющее темными стеклами. «Галерея Варгас». *Hablando del diablo*, подумал Радин, помяни черта, и он тут как тут. Ладно, попутчик, лысая твоя башка, я сделаю то, что ты просишь, это нетрудно. По крайней мере из отеля не выселят. Радин вернулся в подвал, забрал компьютер, заплатил пятерку и спросил у мастера, где можно заказать визитные карточки.

Ближайшая картолерия нашлась в пяти минутах ходьбы, хозяин уже собирался уходить на обед, но вернулся за прилавком и радостно спросил: бумага с металлическим блеском? Радин согласился на белую с тиснением и сделал срочный заказ на полсотни. Он выпил кофе в двух кварталах от картолерии, забрал свой пакет, рассовал по карманам визитки и вернулся на площадь с пеликаном. Проходя мимо фонтана, он зажал уши руками, хотя знал, что это не поможет.

* * *

Поднявшись на крыльцо галереи, Радин толкнул было стеклянную дверь, но она была заперта. Нажав кнопку звонка, он дождался сигнала и вошел в просторный зал, в середине которого стоял медный треножник, покрытый куполом, под куполом гудело синее газовое пламя. Радин громко сказал *boa tarde*, но ему никто не ответил, где-то за стеной плескалась музыка, он различил виолончель, но ее тут же накрыло привычным войлоком.

Выйдя на середину зала, обитого железом, он огляделся: картин в галерее было всего восемь, одна голубая, одна зеленая, остальные закрыты полотняными простынями, будто мебель в заброшенной усадьбе. Наверное, кто-то из местных, подумал Радин, подходя к голубой работе и разглядывая пятно посреди холста, похожее на каплю крови. Это был городской пейзаж с бетонным мостом через реку, с моста падал человек, за мостом начинался океан. На второй картине под слоем кобальта просвечивали золотые чешуйки, будто рыбы стояли на хвостах, приложив губы к поверхности воды.

— Вы опоздали, — сказали у него за спиной.

— Простите?

Маленькая женщина в вязаном пончо вышла из комнаты с табличкой *escritório* и стояла в дверях, сложив руки на груди. В тусклом освещении ее волосы отливали синим и лежали на щеках как два сорочьих крыла.

— Так дело не пойдет. Я ждала вас к половине первого. — Она направилась в кабинет, громко стуча каблуками, а Радин пошел за ней.

В кабинете женщина села за письменный стол и показала рукой на кресло, предлагая Радину сесть напротив. Стены здесь тоже были железными, мятыми, столешница была затянута красной кожей, а на полу лежала пятнистая шкура.

— А почему у вас работы в зале закрыты полотном? Хотелось бы взглянуть на них, — сказал Радин, выложив на стол визитную карточку. — Вы ведь позволите?

— Итак, вы прочли мое письмо и знаете все детали. — Она пропустила его просьбу мимо ушей. — У вас довольно сильный акцент. Впрочем, я по фамилии поняла, что вы неместный.

Он молча кивнул, разглядывая ее лицо, смуглое и бледное, как у всех местных женщин, цвета изнанки табачного листа. Кресло было похоже на две автомобильные шины, положенные друг на друга, сидеть в нем было удобно, хотя колени торчали перед лицом.

— Сеньор Питтини, верно? — Она выдвинула ящик стола и достала записную книжку. — *Vi prego, abbiamo poco tempo*. Мне нужен такой же лебедь, какого вы сделали для сеньоры Эмилии. Все держим в секрете, это необходимое условие.

Радин вздрогнул от звука итальянской речи и отвел глаза. Почему она даже не взглянула на мою визитку? И кто этот Петтини — декоратор?

— Размером лебедь должен быть такой же. И полное сопровождение!

Лучше мне уйти, пока не поздно, думал Радин, чувствуя странную нарастающую радость и удивляясь ей. Здесь какая-то незаконная затея, как пить дать.

— Устрицы фин де клер и, пожалуй, пару ящиков совиной, — продолжала галеристка, помечая в записной книжке золотым карандашиком. — Тапас на ваше усмотрение. Униформа обязательна, посуда одноразовая, салфетки полотняные.

Составите смету и пришлете мне не позднее семи часов. Вам ясно?

Что устрицы, пришли? о радость! летит обжорливая младость, вспомнил Радин, глядя на крупный, густо накрашенный рот. Извиниться и выйти вон, пока она не опомнилась. Выйти, вернуться в гостиницу, где ждет неоплаченный счет, и убраться из города несолоно хлебавши, на жесткой скамейке второго класса.

— Боюсь, вы ошиблись, сеньора Варгас, — сказал он, откинувшись на спинку кресла. — Я не итальянец из кейтеринга. Я частный детектив из Санкт-Петербурга. Меня наняли, чтобы найти пропавшего человека.

Лиза

Прабабушка Паша всегда дарила мне на день рождения подставку для ножей с двумя лаликовыми головами ангелов, каждый раз ту же самую, потом она умерла и не смогла забрать ее обратно из буфета, так что ангелы остались у нас, пережили маму и разбились при переезде. Пра жила на Маклина, а к нам на Малый проспект приходила раз в месяц, чтобы сводить меня в кафе-мороженое, я быстро поедала земляничное с сиропом и убеждала ее заказать себе такое же, нет уж, говорила пра, доставая свой стыдный вязаный кошелек, сама ешь, у меня от него зубки зябнут.

Когда я увидела Ивана в редакции, он мне не слишком понравился, я даже хотела дождаться другого клерка, чтобы отдать объявление. Светлые, воспаленные, будто морем разъеденные глаза, которые он все время тер кулаком, надутый вид, неровные пятна румянца, все выдавало в нем человека слабого, закрытого, с плохо прогретой сердечной мышцей, к тому же он был похож на одного аспиранта, с которым я встречалась после школы, а тот был самый настоящий ботаник, перед свиданием он покупал дурацкие колокольчики, чтобы вешать себе на разные места, от их позвякивания мурашки бежали по всему телу, будто от холода.

Потом, когда мы вышли на улицу, Иван купил мне винограду с уличного прилавка, выгреб последние монеты, и еще не хватило, но продавец махнул рукой, подмигнув мне из-под мехового кепи. В какой-то момент, пока Иван рылся в карманах, мне показалось, что он достанет потертый вязаный кошелек моей

пра! Бедный, бедный, думала я, возвращаясь домой, выучился на филолога и пропадает в рекламной газетке, наверное, обедает в складчину с теми шумными людьми, от них оглушительно пахло вареной капустой.

Через неделю он позвонил мне, позвал прогуляться по Петроградской стороне, а там завел во дворик возле кинотеатра «Свет», вытащил из сумки бутылку вина, развернул бумагу с ветчиной и засмеялся: бокалов нет, я опаздывал, очень хотелось вас угостить, а кабаки я с трудом переносу. *Chateau Montrose St Estephe*. В винах я немного разбираюсь, после школы ходила на курсы сомелье, правда, всего два месяца, но хватило, чтобы понять, что мы пили на скамейке возле ржавых качелей.

Я тогда не знала, что Иван играет, подумала, что он влез в долги, чтобы произвести на меня впечатление. В тот день, сидя верхом на скамейке, я разглядывала его с удивлением: куда подевались бесцветный голос и линиялый румянец? На меня смотрели длинные, нестерпимо синие глаза, темный, будто перышком обведенный рот произносил что-то живительное, смешное, а чистое, худое лицо казалось прохладным, как яблоко. Да тот ли это парень вообще?

Я прихлебывала из горлышка, а он был голоден и занялся ветчиной, мы сидели возле чужого парадного, люди входили и выходили, оскомины сковала мне десны, но я не успокоилась пока не выпила все, что было. Потом он отвел меня домой, и мне пришлось минут двадцать посидеть в подъезде на подоконнике, чтобы выветрился хмель.

Я сидела там, думая о том, что лицо Ивана проявилось, словно переводная картинка, о том, что это преобразование заключает в себе загадку, которую мне пока не хочется разгадывать, и о том, позвонит ли он мне завтра с самого утра. Он позвонил через два месяца, в сентябре, попросил денег в долг, а потом пропал еще на полгода.

Радин. Понедельник

— Боюсь, что не смогу вам помочь, — сказала Варгас, наморщив нос. — Судя по всему, ваш русский приходил сюда к моему помощнику Крамеру, а я ничего не знаю о его связях за преде-

лами галереи. Человека по имени Иван я ни разу не видела, такое имя трудно забыть.

— Расскажите об этом Крамере? — спросил Радин, с трудом выпрастываясь из кресла. Пора было произносить монолог, но у него пересохло во рту. Он подошел к полке, где выстроились бутылочки «Perrier», и вопросительно посмотрел на хозяйку, она кивнула.

— Кристиан стажировался у нас примерно полгода, он учился в академии искусств, писал биографию знаменитого художника. Галерея намеревалась ее издать, у нас даже договор подписан, но текст мы так и не получили.

— Значит, он у вас больше не работает. — Радин отхлебнул из горлышка, вода показалась ему соленой. — И связаться с ним никак невозможно?

— Думаю, он давно уехал из города, — скучно сказала Варгас.

Маленькая, синеволосая, в черном оперении, она напомнила ему баклана, виденного однажды в дельте Волги, когда отец взял его с собой на охоту. Бакланы тоже говорили скучными, низкими голосами: *хороро*. Хотя вполне вероятно, что он их потом придумал. Радин вздохнул, собрался с силами и произнес то, что следовало.

— Мы получили информацию от лиссабонских коллег: в январе наш объект был там на собачьих бегах, вместе со своим приятелем Крамером, а в феврале их обоих видели на городском вокзале. Судя по всему, русский парень скрывается от долгов. Поскольку ваш помощник тоже увлекается ставками на канидроме, я подумал, что стоит проверить этот след. Очень жаль, что он оборвался.

— Что-нибудь еще?

— Могу я взглянуть на те картины, что закрыты полотном?

— Нет, не можете. Эти холсты будут показаны публике в день открытия. А вы что, интересуетесь живописью? Среди наших клиентов есть русские коллекционеры и знатоки.

— Я не стал бы причислять себя к знатокам. Но если вы позволите...

— Боюсь, что не смогу, — сказала Варгас, не дав ему договорить. — Правила аукциона довольно жесткие. А теперь мне

пора заняться подготовкой к приему. Я, собственно, ждала Пит-тини, человека, который обеспечит закуски, но он опаздывает.

— В таком случае благодарю за помощь. — Радин поклонился, сунул пустую бутылку в корзину для бумаг и направился к двери.

— Пойдите! Как вас там, подождите.

Он встал у дверей, с надеждой поглядывая в сторону выставочного зала. Заклепки на стенах зеленели на солнце, словно жуки-бронзовки. Галеристка подошла и протянула ему буклет с размашистой надписью «Алехандро Понти: возвращение».

— Это вам на память. Понти — наш гений, настоящий портеньо. Такая потеря для страны. Прощайте, детектив. Где же этот проклятый итальянец?

* * *

Ресторан в яхтенном порту был маленьким, на белом резиновом полу веранды стояли лужи, Радин выходил туда курить, директор выходил постоять рядом, они смотрели на берег Гайи в мокром тумане. Отлив оставил берег блестящим от донной грязи, несколько рыбацких лодок плотно засели в тине, за стеной крепости открывался выход в океан, едва намеченный сизой дымкой.

После закусок им принесли рыбу, но Радину уже не хотелось есть, он понял, что тратит время впустую, директор даже не спросил его, что он делал в прежней фирме и почему уволился. Радин приехал по рекомендации почтенного предпринимателя, и директор не мог послать его куда подальше по телефону. Еще один настоящий портеньо!

«Invierno Porteño», холодные клавиши и бандеон, пластинка, которую он выменял в школе на «Картинки с выставки». Все бы отдал, чтобы послушать четыре эпизода подряд, пусть даже запыленную, на старой отцовской радиоле. Но куда там, музыка мертва, остались одни барабаны из бычьей кожи.

Прощаясь, Радин похлопал директора сразу по обоим плечам, на лиссабонский манер. На директоре был шейный платок и остроносые ботинки, как на моднике времен Директории. По дороге Радин купил бутылку белого, откупорил ее на набережной и немного поплакал. Добравшись до отеля, он набрал номер попутчика, и тот сразу ответил.

— Мне жаль, что пришлось прибегнуть к такому способу, — сказал Салданыя, — но у меня не было выхода. На вашем месте я бы тоже отказался. Ночь, незнакомец в темном купе...

— Послушайте, я сделал то, что вы просили, — перебил его Радин. — Думаю, что насчет тысячи вы погорячились. Верните тетрадь, оплатите два дня во «Фрегате», и мы будем в расчете.

— Разумеется. Я пришлю ваши записи в отель. Но расскажите, как все прошло. Сеньора Варгас вам поверила?

— Думаю, у нее не возникло сомнений. Сначала она приняла меня за поставщика морепродуктов. Боюсь, что ваш текст она вообще пропустила мимо ушей.

— Неважно. Главное, что вы произнесли его вслух. А картины-то видели?

— Только две, голубую и зеленую с золотыми рыбами, последняя меня не слишком впечатлила. Много кобальта, drobный мазок... Одним словом, теплый, привычный импрессионизм.

— Зеленую? — перебил его попутчик. — С рыбами? Вы уверены, что были в правильной галерее? Хозяйку точно звали Варгас?

— Может, это и не рыбы, — усомнился Радин. — Но чешуя у них определенно золотая. И разумеется, я был в галерее «Варгас». Я, представьте, даже визитки заказал. Осталось еще сорок девять штук.

— Я с вами свяжусь, — сказал Салданыя придушенным голосом и повесил трубку.

Телефон тут же зазвенел снова: это был портъе, заявивший, что завтра администрация предоставит другой номер, по низкому тарифу. Налив себе вина в стакан из-под зубной щетки, Радин подошел к окну и некоторое время смотрел на город.

Гостиница была построена в форме корабля, и, если бы номер Радина был на корме, из окна был бы виден маяк, стоящий там, где река впадает в Атлантику. А завтра он окажется в каюте третьего класса, без иллюминаторов, и если ничего не придумать, то послезавтра придется спать на куче угля. Допивая вино, он думал о попутчике, который, скорее всего, не перезвонит, о директоре фирмы, который точно не перезвонит, и о женщине с челкой, похожей на сорочье крыло.

В этом городе меня с первого дня принимают за кого-то другого. То за повара-итальянца, то за русского дурака. Как там говорил каталонец: вы себя принимаете за другого, а тот другой вас не принимает. Потом он налил второй стакан и подумал о том, что возвращаться ему некуда: за гарсоньерку без окон, снятую на полгода, нечем будет платить, а друзей в этой стране у него нет. То есть друзья-то у него есть, грех жаловаться. Но не те, что без лишних слов поставят на кухне раскладушку.

Иван

Моя мать говорила: первый характер марьяжный, второй — куражный, третий — авантажный, так вот, у Лизы — куражный, иногда я хочу взять ее за волосы и бить головой о подоконник, она такая маленькая, что я мог бы разнять ее руками на две половины, достать ее сердце и засушить, как пион, между страницами справочника, да только где его взять, книги мы свезли к ней на дачу, за неделю до португальского рейса. Думаю, что книги пошли на растопку, да и кому они теперь нужны, она читает только либретто, а я живу в царстве мертвых.

Я никогда не думал о ее теле, его как будто и не было, глиняная фигурка, петушок на палочке. Когда я в первый раз пришел к ней домой, то сидел на кровати, слушая про какие-то глассады, и ни разу даже не подумал о том, чтобы ее потрогать. Я битый месяц был влюблен в ее походку — я сам пытался ходить такой походкой, когда думал, что меня никто не видит. Мне бы даже в голову не пришло приставать к ней с поцелуями, все равно что поймать цаплю в камышах и попытаться засунуть язык ей в клюв.

Все началось, когда в январе мы пришли на показ «Коппелии», балет шел на учебной сцене под фонограмму, и со звуком у них было не очень, а со светом еще хуже. После того как занавес, похожий на плюшевую штору, опустился, нас позвали в комнату за кулисами. В комнате было полно напудренных девиц, пахло потом, будто на скаковой конюшне, и двое парней разливали какую-то дрянь вроде портера. Потом пришли люди с травой, все заволокло дымом, цветочные стебли хрустели под ногами, лампы дневного света гудели, зеркала сияли, и я забыл, где выход.

Помню, что часов в десять в коридоре раздался странный звук, не то скрежет, не то жужжание, свет вырубился, и стало темно. Кто-то хрюкнул, потом засмеялись, где-то посыпалось стекло, и меня поцеловали в темноте. Неизвестно чей поцелуй горел на моем лице, между щекой и виском, я чувствовал его, как набрякшего от крови комара.

Через два дня мы с Лизой уехали, потому что я сильно задолжал на Морской и в городе торчать не хотелось, так что я взял два шерстяных свитера и повез ее на теткину дачу, где всегда был запас консервов и водки, вот только печку приходилось топить, а не затопишь с ночи — проснешься, стуча зубами в голубоватом холоде, под волглым комковатым одеялом, набитым как будто бы живыми утками.

Радин. Вторник

В предутреннем свете тела девушек казались пепельно-серыми. Одна из них лежала у него в ногах, свернувшись в комочек, а другая вытянулась вдоль стены, спрятав лицо в подушку. Радин медленно повернул голову и увидел столик на колесах, заваленный грязной посудой, на полу стояла ваза с раскисшим виноградом.

Он выбрался из постели и прошлепал босиком в ванную. Наушники нашлись в стакане с зубными щетками, рядом валялся тюбик губной помады. С тоской посмотрев на душевую кабину, он запустил барабаны джембе, включил воду и стал растираться мокрым полотенцем. Дверь в ванную приоткрылась, одна из девушек просунула сонное личико и улыбнулась, увидев голого Радина:

— Ой, извини. Я забегу на минутку?

— Давай. — Он прочитал ее слова по губам, в наушниках радостно затрещал шекере. С тех пор как музыка умерла, африканские инструменты стали его утешением. Девушка склонилась над раковиной, плеснула в лицо водой, почистила зубы и вышла, прихватив полотенце. Как же ее зовут, думал Радин, такая розовая, сытая, в крапинках, будто речная форель. И следует ли девчонкам заплатить? Надеюсь, хоть ночью я не рыдал и не позорил профессию. Выглянув в окно душевой, он увидел

флаги на башнях Св. Ильдефонсо и вспомнил, что живет на самом верху, в бочке лучника.

Протирая лицо гостиничным лосьоном, он прокрутил в памяти вчерашний вечер: сначала я спустился в бар на корме и сидел один, потом пришли шведки, я заказал еще вина и сразу пошел дождь, вода побежала по жестяным водостокам, а после с грохотом полилась из пасти льва, держащего в лапах адмиралтейский якорь. Ну, дальше все понятно.

Вернувшись в спальню, Радин увидел, что девушки ушли, оставив на столике салфетку с телефонным номером. Этикетки на бутылках были незнакомыми, местный портвейн, хорошо, что не «Scion», и на том спасибо. Радин нашел свои джинсы и достал из сумки свежую рубашку. Вчера он посмотрел расписание автобусов в Брагу и намеревался успеть на трехчасовой, надо увидеть Бом-Жезуш, раз уж он забрался так далеко на север.

Счет от рум-сервиса ждал его на ручке двери. Когда он проходил мимо стойки портье, тот поманил его рукой и показал сложенную вчетверо телефонограмму. Гостиница называлась «Фрегат Дон Фердинанду», конторка была обшита тиковым деревом, и порядки здесь царили старомодные. На бумажке от руки было написано: *09:45, звонила сеньора Варгас, просила срочно зайти по важному делу.*

Радин уверил отель, что разберется с оплатой к вечеру, и решил было позавтракать как следует, но едва смог запихнуть в себя пару черносливин. Уходя из ресторана, где торопливо ели запоздавшие постояльцы, он прихватил свежую пышку с керамического блюда, расписанного ящерицами.

Зачем я понадобился Варгас? Почему меня преследует чувство, что мной как-то бездарно воспользовались? Почему Салда-нья бросил трубку? Вернет ли он тетрадь? Заплатит ли за номер и бар? Где бы прямо сейчас раздобыть аспирина?

* * *

— Вы говорите, что ваш ассистент пропал в начале января. Но ведь он мог просто уехать из страны. Почему вы только теперь забеспокоились?

Радин сидел в знакомом кресле, похожем на две автомобильные шины, и не верил тому, что слышит. Ему только что предло-

жили пять тысяч за неделю работы. Пять тысяч? Можно снять квартиру с террасой, купить ящик граппы и недели две вообще не выходить. Но какой к черту из меня детектив? Я человек без лица, бездомный романист сорока с лишним лет. Автор рекламы молочного сахара.

Варгас выглядела так, будто тоже провела бессонную ночь: синие перья топорщились, смуглое лицо казалось еще темнее. Некоторое время она молча прихлебывала из чашки, искоса поглядывая на Радина. Кофе ему не предложили.

— Вы ищете русского юношу, а я хочу выяснить, где мой помощник. Раз вы утверждаете, что зимой их видели вместе на бегах, то есть надежда, что вместе они до сих пор. Для вас это выгодно, детектив, никаких лишних хлопот. Договор можем не подписывать, оплата наличными.

— Был бы рад помочь, но завтра утром я уезжаю.

— Глупости, вы ведь только начали. — Она встала и открыла окно, в кабинет ворвались гудки автомобилей и собачий лай. — Я знаю, что детективы не любят вести два дела сразу, но эти дела крепко связаны, разве нет? В любом случае я покрою ваши расходы. Вы ведь не на Интерпол работаете, а на частное лицо?

— На частное лицо, — сознался Радин.

— Еще мне нужна книга, над которой Крамер трудился целый год. Мы не успеем ее издать, но я смогу разослать текст участникам аукциона, который начнется в конце недели. Все права на книгу принадлежат мне.

— Вы уверены, что эти двое сбежали вместе?

— Сбежали? Нет, австриец был не такого сорта. Он работал у нас не столько ради денег, сколько ради нужных знакомств и доступа к архивам. Я была уверена, что к выставке он вернется с готовой рукописью, чтобы снискать себе славу. Кристиан Крамер — очень расчетливый юноша, понимаете? Этой возможности он бы не упустил.

— А в сыскное агентство вы не хотите обратиться?

— Я не могу себе позволить ни малейшей утечки, а сыщик непременно продаст информацию журналистам. Вокруг выставки Понти клубится целое облако слухов, публика заинтригована, но известие о пропаже молодого искусствоведа загубит аукцион. Детектив-иностранец, который ни с кем не знаком

и тихо уедет сразу после дела, — это тот, кто мне нужен. Поэтому я не скуплюсь, как видите.

— А чего вы больше хотите, найти парня или найти монографию? — Радин выбрался из кресла и прошелся по комнате. Все в этом здании было железным или кожаным. Не галерея, а головной убор викинга.

— Найдите все, что сможете. Я дам вам список людей, которых нужно посетить, начните прямо сейчас и строго соблюдайте очередность. — Варгас вырвала листок из блокнота и написала несколько имен. — Первым номером идет вдова Понти, она живет на холме в собственной вилле, это далеко, возьмите такси.

— Почему я должен искать его на вилле? У него не было своей квартиры?

— Разумеется, была! За нее платит галерея, и оплату мы произвели за год вперед. Просто на вилле он проводил больше времени, чем дома: все под рукой, рисунки, дневники, мечта любого биографа. Никому другому вдова архивов не показывала, Кристиан, полагаю, вызвал у нее особое чувство. В ее возрасте женщины доверчивы как божьи коровки.

— Она вам не слишком нравится, верно?

— При жизни Алехандро ее даже по имени никто не знал, а теперь она владелица всего архива и вот этих работ с эстимейтом в четверть миллиона. — Варгас махнула рукой в сторону зала.

— Они продадутся?

— Не сомневайтесь. Купить можно только всю серию целиком, так что мы ждем солидного посредника. Но вернемся к делу. В январе я позвонила на виллу, и мне сказали, что Кристиан не появлялся там больше недели. Консьержка в его доме говорит, что он долго болел, даже продукты заказывал с доставкой. Потом он внезапно уехал, не оставил даже адреса для пересылки почты.

— Почему вы не обратились в полицию?

— Вы уже спрашивали. Я предпочитаю заплатить профессионалу, наши копы только митинги умеют разгонять и брызгать мыльной пеной. — Она подвинула к нему связку ключей, будто шахматную фигуру. — Живите в его квартире, я не намерена платить за ваш отель. Если найдете там книгу или хотя бы черновик, сразу везите сюда. И не забудьте, что начинать следует с виллы Понти!